КАКИЕ ПАРТИИ БЫЛИ В РОССИИ

МОНАРХИСТЫ

В. ЗАЛЕЖСКИЙ

ПРОЛЕТАРИЙ

КАКИЕ ПАРТИИ БЫЛИ В РОССИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ В. ЮДОВСКОГО

В. ЗАЛЕЖСКИЙ

МОНАРХИСТЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

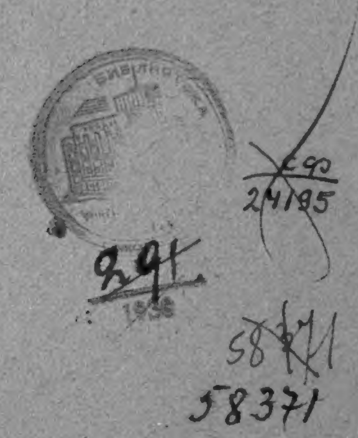
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1930



Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку", „Карточном Репертуаре" и др. указателях Украинской Книжной Палаты



Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий"
Харьков, Пушкинская, 40
Тир. 20.000 экз.— 2¼ п. л.
Укрлит № 3767 — к
Зак. № 69



I. Классовая природа политических партий.

Партия, это — наиболее сознательная часть, авангард данного класса. В партию, т.-е. политическую организацию данного класса, объединяются люди, ясно понимающие основные интересы своего класса. Партия ставит своей задачей вести свой класс на завоевание политической власти или в случае, если этот класс уже овладел властью, бороться за удержание этой власти, за удержание условий господства данного класса. Таков взгляд марксистов-ленинцев на партию.

Однако в буржуазном обществе только одна коммунистическая партия, т.-е. революционная партия рабочего класса, открыто признает себя классовой партией, партией пролетариата. Она открыто заявляет, что борется за классовое господство пролетариата, что она отстаивает классовые интересы его. Коммунисты знают, что для успешной борьбы пролетариата за освобождение его от эксплоатации необходимо прежде всего добиться внесения ясности в классовые отношения буржуазного общества. Они знают, что рабочий класс только тогда сможет развернуть всю мощь революционной борьбы, когда он научится ясно и четко противопоставлять себя всему буржуазному обществу

в целом и всем эксплоататорским классам и группировкам буржуазного общества.

Но такая ясность классовых группировок и оголенность классовой борьбы крайне невыгодна господствующим эксплоататорским классам. Пролетариат потому так открыто провозглашает лозунг борьбы за захват власти, за диктатуру пролетариата, что революционная борьба пролетариата за власть есть борьба за власть громадного большинства народа данной страны, так как пролетариат ведет с собой на борьбу с буржуазией и помещиками и непролетарские слои трудящихся — крестьянство, кустарей, ремесленников и т. п., которые также эксплоатируются капиталистами. В нашей стране не только коммунистическая партия открыто признает себя классовой партией пролетариата, но и советская власть не скрывает своего классового характера, характера пролетарской диктатуры.

Совсем в другом положении находятся буржуазия и помещики, классы эксплоататорские, когда они стоят у власти, как это имело место в России до Октябрьской революции 1917 года и как это имеет место до сих пор во всех буржуазно-капиталистических странах мира. Эти классы являются в каждой стране ничтожным меньшинством. Им невыгодно оголять и показывать широким слоям трудящихся эксплоататорский характер своей власти. Они могут господствовать, стоять у власти и эксплоатировать широкие массы трудящихся только в том случае, если от трудящихся будет скрыта классовая природа буржуазно-помещичьего правительства, будет скрыта классовая природа

тех партий, которые это правительство поддерживают. Вот почему ни одно правительство буржуазно-капиталистических стран никогда не назовет себя классовым. Оно всегда говорит и делает вид, что защищает „справедливые“ интересы всех классов и слоев населения, что оно проводит политику охраны порядка в государстве и защиту общих интересов государства.

Если даже, как это было в царской России до 1905 г., буржуазия не находится еще у власти, если она стоит в оппозиции к дворянскому правительству и так или иначе „борется“ с дворянством за участие во власти,—она, организуя свою классовую политическую партию, все же всячески старается затушевать, скрыть от глаз трудящихся свой классовый характер. Как известно, в конце 1904 и начале 1905 года русская либеральная буржуазия организовалась в политическую партию. Эта партия приняла название „Партии народной свободы“ [„кадеты“] *). Лидер этой кадетской партии Милюков, профессор и историк по образованию, человек достаточно ученый, чтобы правильно понимать социальную природу каждой партии, из кожи лезет вон, чтобы представить свою партию как действительную партию народной свободы, отстаивающую на Руси справедливый и полезный для всех слоев населения конституционно-демократический строй. Он старается

*) На своем учредительном съезде в октябре 1905 г. партия приняла название „конституционно-демократической“, отсюда и название партии сокращенно к-д, „кадеты“; но уже весной 1906 г. приступая к избирательной кампании в I Государственную думу, она издает орган „Вестник Народной Свободы“ и называет себя в своих воззваниях к избирателям „Партией народной свободы“.

всячески затушевать, что его партия есть боевая организация буржуазии, он понимает, что нельзя откровенно сказать массам, что его партия защищает интересы буржуазии. Поэтому он доказывает, что партия, это просто—группа единомышленников, имеющих одинаковые взгляды на государственный и общественный строй, что члены партии должны и могут вербоваться из всех слоев населения, из всех классов, лишь бы у них были одинаковые политические взгляды и мнения. Вот для защиты этих общих взглядов и организуются единомышленники в политические партии. Значит, партия есть организация политических единомышленников, которые могут принадлежать к различным классам общества.

Это определение дает возможность партиям господствующих классов скрывать от трудящихся масс свое классовое лицо и под видом общеклассовых или внеклассовых требований проводить защиту интересов эксплоататорских классов. И в обычное время, когда классовая борьба в данной стране не принимает массового обостренного и революционного характера, господствующим классам часто удается скрыть перед трудящимися массами классовое лицо своих партий. Например, в Англии не мало рабочих отдают свои голоса буржуазным партиям — либералам и консерваторам, не понимая их классовой природы.

При отсутствии политического движения масс, господствующие классы не склонны бывают выделять политические партии даже из своих рядов, особенно если господствующий класс имеет возможность в лице своих верхов участвовать непосредственно в управле-

нии государством. Так было у нас в России до 1905 г. Царское правительство являлось, как известно, дворянско-бюрократическим правительством, оно вербовалось из верхушки дворянства и защищало интересы дворянской аристократии и дворянского сословия в целом. После реформы 60-х г.г. (освобождение крестьян, реформа судоустройства и судопроизводства, введение земского и городского самоуправления и т. п.) в России начал быстро развиваться капитализм. Самодержавие, продолжая оставаться органом классового господства дворянства, берет на себя также и защиту интересов нарождающейся крупной буржуазии.

Пока царское самодержавное правительство хорошо обслуживало интересы обоих этих классов, ни для дворянства, ни для крупной буржуазии не являлось никакой надобности в образовании политических партий. Наоборот, при возможности верхушкам дворянства и буржуазии обеспечивать свои интересы через личные влияния при дворе, образование политических партий, даже в среде этих классов, было бы для них вредно, так как это означало ограничение самодержавия, введение конституции, втягивание в обсуждение вопросов политического характера средних и низших слоев населения. Вот почему царское дворянское правительство решительно боролось не только с зачатками революционного движения в среде интеллигенции, рабочего класса и крестьянства, но и с оппозиционными настроениями в среде недовольных политикой царского самодержавия средних и мелких слоев дворянства и части городской буржуазии, с так называемыми буржуазными конституционалистами.

Дело изменилось к началу XX века. 90-е годы прошлого столетия было временем быстрого роста капитализма в России, роста, главным образом, металлургической промышленности и строительства железных дорог „стратегического“ значения. Средина 90-х годов была временем весьма крупного промышленного подъема. Параллельно с развитием капитализма в условиях промышленного подъема происходил процесс стягивания рабочего класса в города и крупные промышленные центры. 90-е годы были временем сплочения рабочих в класс, временем образования значительных кадров пролетариата, порвавшего уже с землей.

И уже в средине 90-х годов пролетариат выступает на арену общественной жизни России как определенная социальная сила. После знаменитой стачки ткачей в Петербурге в 1896 году стачечная волна разносится по всей России, все более и более нарастая. Вначале, в условиях экономического подъема, стачки носили экономический, наступательный характер. Пользуясь благоприятной обстановкой, при которой капиталисты были заинтересованы в бесперебойном ходе своих предприятий, рабочие экономическими стачками сумели добиться известного улучшения своего положения. Эта борьба с предпринимателями не только сплачивала рабочих и развивала в них чувство классовой солидарности, она воспитывала их и политически, поскольку в этой борьбе им приходилось сталкиваться с представителями царской власти, которые явно защищали интересы фабрикантов.

Активность рабочего класса этих годов имела своим следствием рост и укрепление социал-демократиче-

ских организаций, зародившихся в городах и крупных промышленных центрах еще в конце 80-х и в самом начале 90-х годов в виде отдельных, изолированных друг от друга кружков. Средина 90-х годов настолько укрепила и усилила социал-демократические организации, что в 1898 году смогла уже сложиться „Российская социал-демократическая рабочая партия“ (РСДРП), революционная классовая партия пролетариата. Образование партии ускорило рост политической сознательности и активности рабочих масс. Партия звала рабочий класс на путь политической борьбы с самодержавием и буржуазией. Разразившийся в начале 900-х годов острый промышленный кризис ускорил процесс перехода рабочего движения на путь политической борьбы. Под руководством партии начинается полоса политических демонстраций и политических стачек. На очередь выдвигается вопрос о непосредственной борьбе с самодержавием.

В то же время нарастает недовольство крестьян, учащаются случаи столкновения крестьян с помещиками. Летом 1902 г. возникает широкое аграрное движение, охватившее Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. Движение было подавлено военной силой; однако напряженное состояние в деревне не улеглось, и через год вновь вспыхивает широкое аграрное движение, охватившее Центрально-Черноземный район, Нижнее и Среднее Поволжье и Заволжье.

Таким образом, в начале 900-х годов среди рабочих и крестьян начинает быстро расти революционное настроение, рабочие и крестьяне обнаруживают все растущую революционную активность. Приближается

революция 1905—1906 г.г. Эта революция была направлена прежде всего против царского самодержавия и господства дворян-помещиков, на которых царское самодержавие опиралось.

Маркс говорил, что революция сплачивает силы контр-революции. Ярким подтверждением этих слов Маркса и являются те попытки сплочения дворянства в политическую организацию под видом правых или монархических партий, которые мы имеем перед революцией и во время революции 1905 года.

Если, как мы указывали, при отсутствии массового движения рабочих и крестьян, для правящих слоев дворянства было вредно образование политических партий даже в среде самого дворянства, то теперь дело меняется и дворянство начинает сознавать необходимость политической организации своего класса. И действительно, уже в 1901 году, который может быть отмечен, как год начала политических демонстраций в России, направленных против самодержавия, мы видим попытки дворянства в противовес этому движению организоваться в монархическую партию, т.-е. в партию, ставящую себе задачей поддержку правительства в его борьбе против революции за сохранение самодержавия. 26 января 1901 г. в Петербурге было положено начало монархической организации под именем „Русского собрания".

II. Сословно-дворянские политические организации 1905 г., их программа и тактика.

„Русское собрание". При своем возникновении „Русское собрание" официально не являлось полити-

ческой организацией. По уставу оно ставило себе целью бороться за национальную культуру против „космополитических“ идей, распространяемых в русском обществе. По своему составу эта организация дворянско-бюрократическая. Однако уже очень скоро деятельность „Русского собрания“ начинает принимать политический характер — на его собраниях обсуждаются злободневные политические вопросы, оно издает монархические газеты и журналы, распространяет среди населения популярные монархические и контр-революционные брошюры. Вскоре начинают возникать провинциальные отделы „Русского собрания“. Характерно, что эти отделы возникают или в городах, находящихся в центре аграрного движения, как Харьков, Казань, или в городах с развитым национальным движением, как Варшава, Вильно и Киев.

Первое открытое политическое выступление „Русское собрание“ делает в декабре 1904 года, в связи с „банкетной кампанией“ либералов. Как известно, осенью 1904 г., под влиянием неудач русско-японской войны и широкого политического недовольства в „либеральном обществе“, правительство делает поворот в своей политике. Назначенный после убийства Плеве на пост министра внутренних дел Святополк-Мирский заявляет, что правительство в его лице вступает на путь „доверия к обществу“. В связи с этим репрессии по отношению к либералам были ослаблены, им давали возможность собираться и говорить о политике. Это окрылило надежны либералов, которые на своих банкетах начинают толковать о возможности „дарования“ царем конституции и принимают соот-

ветствующие резолюции. Эти резолюции они направляли в министерство внутренних дел.

В эту-то эпоху либеральной „весны“ „Русское собрание“ и выступает официально как организация, стоящая на страже самодержавия. 31 декабря 1904 г. оно посылает к царю официальную депутацию со „всеподданнейшим“ адресом. В адресе подчеркивается, что Россия развивалась и достигла могущества, опираясь на нераздельные „святыни православия, самодержавия и народности“, которые и надлежит сохранить неприкосновенными, что самодержавие всегда было сильно „духовным единением царя со всеми истинно-русскими людьми“. Посылка этой депутации была вызвана не столько шумихой либералов, сколько царским указом от 12 декабря, который говорил об „устроении крестьянской жизни“ и обещал в ближайшем будущем „крупные внутренние преобразования“. Дворянская организация „Русское собрание“ и сочла нужным в ответ на это обещание „преобразований“ указать царю на необходимость сохранения самодержавия.

Этим своим публичным выступлением „Русское собрание“ становится в глазах всех реакционеров общепризнанной организацией монархистов. Однако оно не сумело стать боевой организацией монархистов, для этого ему не хватало активности. Вся его деятельность в сущности сводилась к литературной пропаганде монархизма через газеты, журналы, брошюры и листовки.

Следующим политическим выступлением „Русского собрания“ была посылка второй депутации к царю в июне 1905 года. 6 июня, в связи с поражением русского флота под Цусимой, земцы-либералы послали

к царю депутацию. Эта депутация вела себя позорно даже с точки зрения либералов. Она говорила о „внутреннем мире“, упоминала о „злых советниках“, „изменяющих своему повелителю“, и довольно прозрачно предлагала царю союз для борьбы с „крамолой“, которая опасна лишь при „ненормальных“ условиях и т. п. В ответ царь заявил: „Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всей Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам“.

В этом ответе „Русское собрание“ увидело намек на возможность созыва законосовещательного земского собора. Это заставило его вслед за депутацией земцев послать к царю свою депутацию. Депутация вновь повторила идеи декабрьского всеподданнейшего своего адреса о необходимости сохранения в полной чистоте и неприкосновенности самодержавия.

До октября 1905 года политические выступления „Русского собрания“ ограничились этими двумя депутациями к царю. Лишь после издания царем „манифеста 17 октября“ „Русское собрание“ опубликовывает свою политическую программу. По мнению монархистов из „Русского собрания“, манифестом 17 октября не отменено царское самодержавие, что видно из того, что дума не может изменять основные законы страны. Здесь впервые заявляется, что „самодержавный царь не тождественен в глазах русского народа с правительством, и последнее несет на себе ответственность за всякую политику, вредную православию, царскому самодержавию и русскому народу“. Программа счи-

тает, что царское самодержавие должно основываться на постоянном единении царя с народом".

Пассивный характер политики „Русского собрания", конечно, не мог удовлетворить более активные дворянские круги. Поэтому уже после событий, связанных с 9 января, с ростом революционных настроений широких масс, политических забастовок и начавшегося аграрного движения, активные деятели дворянства поднимают вопрос о создании новой, более боевой монархической организации. Почин берет на себя реакционная газета „Московские Ведомости". На ее страницах начинают раздаваться призывы к организации всех истинно-русских людей: „Сплотимся,— пишет газета,— составим общую всероссийскую дружину вокруг царского престола для того, чтобы общими силами отразить начавшийся штурм на твердыню самодержавия".

Эта агитация вскоре приводит к образованию „Монархической партии".

„Монархическая партия". „Монархическая партия" образовалась в Москве в апреле 1905 г. Ее главными деятелями являются крупные землевладельцы-аристократы и высшее духовенство. Ее официальный орган —„Московские Ведомости".

Программа „Монархической партии" носит боевой и ясно выраженный сословно-дворянский характер. Программа считает недопустимыми со стороны правительства какие бы то ни было уступки революционному движению. Правительство должно показать решительность и твердость власти. При настоящих условиях не может быть никаких разговоров о каких-

либо реформах, надо прежде всего раздавить революцию. „Когда,— говорит программа,— верховная власть восторжествует над внутренней смутой, тогда настанет, по убеждению „Монархической партии", наиболее удобное время для основательных, зрело обдуманных, государственных реформ".

„Монархическая партия" недовольна политикой правительства. Она упрекает его в слабости и в отступлении перед революцией. Колебанию не должно быть места: „Надо призвать к власти людей решительных и истинно-русских. Должно быть ясно возвещено, что уступок негодяям не будет ни в коем случае". Партия требует от правительства широкого применения для революционеров смертной казни. Свою задачу „Монархическая партия" видит в том, чтобы оказать правительству помощь в деле подавления „внутренней смуты".

Партия стоит за сохранение монархической, самодержавной власти русских царей. „Самодержец есть представитель и единственный представитель своего народа",— пишет она. Поэтому она решительно отрицает какое бы то ни было народное представительство, даже законосовещательный земский собор.

„Монархическая партия" не скрывает своего дворянского, землевладельческого характера. Она открыто высказывается за сохранение сословного строя, за сохранение привилегированного положения дворянства и его земельной собственности. Наряду с этим, поскольку во главе партии стояло рядом с дворянской поземельной аристократией высшее духовенство, т.-е. те же крупные земельные собственники и высшие церковные бюрократы, „Монархическая партия" высказывается за при-

вилегированное положение для православной церкви. Церковь должна быть основным воспитателем народа. Народ и в первую очередь юношество должны воспитываться под наблюдением духовенства в религиозно-нравственном направлении.

„Монархическая партия“ против каких бы то ни было „новшеств“: все должно остаться по-старому. Она отстаивает реально существующее в России того времени самодержавие, т.-е. самодержавно-бюрократическую власть.

Выступая, как политическая организация дворянского сословия, партия первое время открыто отмежевывается от монархических течений других слоев населения.

Сильная своими связями среди высшего духовенства и высшей бюрократии „Монархическая партия“ получает возможность использовать для агитации среди крестьян в защиту дворянский земельной собственности духовный и административно-полицейский аппарат на местах. Местное духовенство, и в первую очередь сельское, явилось той силой, которую и использовала партия для пропаганды своих идей.

Мысль об использовании церковного аппарата в деле борьбы с революцией для защиты дворянской земельной собственности возникла во влиятельных кругах дворянства и духовенства до официального образования „Монархической партии“. Еще в конце 1903 года правительствующий синод разослал по епархиям циркуляр, в котором говорилось:

„Принимая во внимание, что в некоторых местностях дорогого нашего отечества злонамеренные люди — про-

тивники законной власти — возмущают народ и нарушают мирное течение гражданской жизни, святейший синод признает необходимым:

Поручить епархиальным преосвященным приглашать священников всех приходов, в коих по сведениям есть опасность возникновения смут, к принятию всех зависящих от них пасторских мер к предупреждению оных и разъяснять пастве, на основании слова божия, всю лживость уверения злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя установленным, и покушению на чужое добро. Для сей цели преосвященные должны поручить священникам, известным своим благоразумием, как можно чаще говорить на эту тему слова".

Не менее любопытна также попытка монархистов использовать в качестве агитпропщиков местную полицейскую администрацию. Одновременно с циркуляром синода, департамент полиции рассылает аналогичный циркуляр губернаторам:

„Из поступивших в департамент полиции сведений усматривается, что распространение среди сельского населения империи революционных изданий осуществляется в большинстве случаев следующим образом: в том или другом районе появляются неизвестные молодые люди, которые, проезжая в железнодорожных поездах и в экипажах, и верхом по проселочным дорогам, а равно из вагонов и экипажей, или проходя пешком по селам и деревням, разбрасывают имеющиеся у них книжки или брошюры революционного содержания или раздают таковые встречным крестьянам, рекомендуя их читать и передавать для чтения дру-

гим. Нередко издания эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянских усадеб и явно на ярмарках и базарах в крестьянские телеги, а затем развозятся самим населением по отдаленнейшим и глухим местам. Упомянутые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, при чем наблюдались даже случаи публичного чтения таких изданий целой толпы крестьян".

Циркуляр признает, что под влиянием таких книжек среди крестьян начинаются толки о предстоящем разделе помещичьей земли. Он указывает, что полиции необходимо ловить проезжающих агитаторов и отбирать у крестьян революционные книжки. Но так как делать это полиции крайне трудно, циркуляр предлагает привлечь к делу ловли агитаторов и собиранию революционных книжек, попавших в деревню, самих крестьян. Для этого циркуляр рекомендует, чтобы *земские начальники и уездные исправники на крестьянских сходах лично „разъяснили крестьянам всю несостоятельность революционных учений*".

С возникновением „Монархической партии" эта агитпропская деятельность попов, земских начальников и исправников сильно оживилась. Внешний эффект этой деятельности как-будто бы и был. Под давлением присутствовавших на сходах попов, земских начальников и исправников ряд сходов принимают приговоры в реакционно-монархическом духе. Так, весной 1905 года поступает „всеподданнейший адрес" крестьян Новгородской губернии и уезда, где говорится: „Клики

свой клич, мы будем с тобою, чтобы итти на общего врага". Крестьяне Тверской губ., Новоторжского уезда, Тысяцкой волости в своем приговоре пишут, что они будут бороться против „дерзких врагов, посягающих на самодержавие и православие".

Подобного же характера приговоры поступают из ряда волостей Московской, Тверской, Калужской, Саратовской и других губерний. Во всех этих приговорах бросается в глаза однородность выражения, о „злодеях" и „смутьянах", что ясно говорит, что приговоры писались не крестьянами, а властями и попами по определенной, данной из центра инструкции.

Однако, несмотря на такие переговоры, аграрное движение ширилось и развивалось, захватывая все новые и новые места. Этому росту много способствовала деятельность попов и земских начальников; наряду с агитаторами-революционерами и листовками, призывающими крестьян к выступлению против помещиков, распространителями этих идей оказались также земские начальники, исправники и попы. Когда поп или земский начальник выступал на сельських сходах с разъяснением „несостоятельности революционных учений", они, конечно, крестьян не убеждали, а, наоборот, знакомили их с учением революционеров и с тем, что в стране происходят крестьянские волнения". „Чем убедительнее говорил земский начальник,— замечает один из „исследователей крестьянского движения того времени,— о том, что собственность землевладельца должна быть священна и неприкосновенна, тем сильнее он побуждал крестьян остановиться на мысли об этой собственности. Слухи о прирезках, об отобра-

нии земель у помещиков стали распространяться все шире и шире“. Один из дворян Курской губ. писал, например, об этом в газетах: „Среди наших крестьян не прекращаются толки о крестьянских и рабочих волнениях, о прирезке земли. Оживление отчасти поддерживается начальством, которое, получив губернаторские циркуляры, просвещает крестьян относительно агитаторов“.

Под влиянием этого „конфуза“ „Монархической партии“ скоро пришлось отказаться от попытки вести агитацию среди крестьян в защиту помещичьей земельной собственности через попов и дворян — земских начальников.

III. „Всесословные“ или „демократические“ монархические партии в 1905 году.

Революция 1905 года вызвала контр-революционные настроения также и среди некоторых более демократических слоев населения. К таким слоям относились прежде всего довольно многочисленные группы мелкой торговой и промышленной буржуазии: рыночные торговцы, мелкие лавочники, мелкие подрядчики, владельцы мелких мастерских и т. п. Рядом с ними стояли мелкие чиновники, всевозможные маклера и вообще мелкий мещанский люд с профессией, порой крайне неопределенной.

Промышленный кризис начала 900-х годов, обостренный японской войной и революцией, резко ухудшил материальное положение этих слоев. Забастовочное движение часто несло этим мелким хозяйчикам пря-

мое разорение. Революционная борьба масс выбивала их из привычного уклада жизни. Отсюда ненависть к революции и мечта о возврате к „доброму старому времени“, когда им жилось лучше. Желанное же старое время в их представлении прочно связывалось с царским самодержавием, с представлением о царе как об „отце“, заботящемся о „детях своих“, о народе.

Организующееся политически дворянство в лице „Русского собрания“, а затем и „Монархической партии“ в первое время не находило нужным использовать в своей борьбе с революцией эту „чернь“. Оно относилось к ней с известным чувством брезгливости и презрения.

Однако эта „чернь“, эта „черная сотня“, как она впоследствии себя назвала, начинает обнаруживать стремление к самостоятельной политической организации. Уже в начале 1905 года в Петербурге, Москве и ряде других городов среди этих слоев населения начинают возникать под руководством обычно приходского духовенства монархические организации. В Москве возникает „Общество хоругвеносцев“, в Петербурге „Союз Михаила архангела“, в Екатеринодаре „Братство кречетов“, в Харькове „Братство борьбы с крамолой“ и проч. и проч. Уже самые названия этих организаций указывают, что они возникают под сильным воздействием духовенства.

Рост революционного движения порождает в известных кругах дворянства и духовенства мысль о возможности использовать эти „народные“ монархические организации для борьбы с революцией.

Если до сих пор с революцией боролось правительство и господствующие классы, в первую очередь дво-

рянство, если благодаря этому правительство и дворянство противопоставлялись народу, то политическая организация этих монархически настроенных мелкобуржуазных элементов должна была представлять собою возмущение против революции уже не высших классов, а „народных низов“, „истинно-русских людей“. Если революция противопоставляла верхи низам, то такие народные монархические организации должны были демонстрировать единение всех классов и слоев народа в деле защиты самодержавия и борьбы с революцией.

Весной 1905 года „Кружок московских дворян“, во главе которого стоял граф Шереметьев, делает попытку организовать широкую народную монархическую партию для борьбы с революционным движением. По его инициативе организуется бессословный московский „Союз русских людей“.

Однако хотя упомянутые выше слои населения были враждебны революции и выступали на защиту самодержавия и православия, но в эти лозунги они вкладывали несколько другое содержание, чем дворянские партии „Русское собрание“ и „Монархическая партия“.

Прежде всего, благодаря своей политической неразвитости, эти слои склонны были принимать всерьез взгляд на царя как на отца народа. В их среде еще живы были взгляды крестьянской и посадской массы Московской Руси XV—XVIII столетий, что все беды народа происходят оттого, что между народом и царем стоит стена в лице бояр и приказных, т.-е. бюрократии, что „бояре и приказные правду от царя скрывают“. Отсюда мысль о необходимости непосредственного единения народа с царем, вражда против бюрократии.

Это настроение должны были учесть организаторы. И они воспользовались старой славянофильской формулой — единение царя с народом через голову бюрократии, при чем за царем сохраняется „сила власти“, а за народом „сила мнения“, совета.

„Союз русских людей“ официально ставит своей задачей защиту самодержавия и православия и активную борьбу с революционным движением. Однако в его програме самодержавие носит несколько иной характер, чем конкретно существовавшее в то время. Они отрицают существующее фактически самодержавие, как чиновно-бюрократический аппарат государственной власти, облуживающий интересы дворянства. Наоборот, в бюрократии они видят главное зло. Бюрократия и интеллигенция, которая эту бюрократию поставляет, виноваты как за военные неудачи, так и за внутреннюю разруху. От нее идет революционное движение в России, она хочет ограничить власть царя. Народ же предан царю, но отделен от него бюрократией. Поэтому для укрепления самодержавия царя необходимо постоянное и тесное общение царя с „землей“ через местных выборных людей.

Исходя из таких взглядов, „Союз русских людей“ приветствует рескрипт царя от 18 февраля и видит в законосовещательной булыгинской думе восстановление земского собора. Вместе с тем он относится резко отрицательно к конституции, к ограничению самодержавной власти законодательной думой. В этом он видит „европейское новшество“, чуждое русскому народному духу.

В этом взгляде на „истинно-русское“ самодержавие

царя „Союз русских людей“ определенно разошелся со взглядами на самодержавие дворянских монархических партий. Это отметил тогда же центральный орган „Монархической партии“ — „Московские Ведомости“, который писал, что хотя программа союза и близко подходит к программе „Монархической партии“, однако она отклоняется по очень существенному вопросу: она толкует рескрипт 18 февраля „почти так же, как и наши либералы“.

„Союз русских людей“ разошелся с „Монархической партией“ также и по вопросу о православии. „Монархическая партия“ требует привилегированного положения православной церкви, но не выдвигает никаких церковных реформ. Она признает существовавшую бюрократически-иерархическую организацию православной церкви“. „Союз русских людей“ также отстаивает привилегированное положение православной церкви в России, но выдвигает проект церковной реформы. Он хочет церковную организацию более демократизировать и очистить от бюрократизма. Вместо бюрократического синода, стоявшего тогда во главе православной церкви, „Союз русских людей“ требует восстановления старого московского патриаршества.

На местах церковь необходимо приблизить к мирянам. Для этого в церковное управление надо ввести выборное начало от мирян. В этом проекте церковной реорганизации нашли свое ясное отражение интересы низшего духовенства и тех групп населения, которые близко стоят к церкви, т.-е. мещанско-кулацких элементов страны.

Конечно, эти расхождения пока оставались в теории,

поэтому правящие круги особенно на это не реагировали, ибо фактически в лице „Союза русских людей“ они получали в свои руки видимость социальной опоры в борьбе с революцией со стороны „народа“. Это тем более было неопасно, что руководящую роль в „Союзе русских людей“ играли представители дворянства и духовенства.

„Союз русского народа“. „Союзу русских людей“ не удалось вырасти во всероссийскую внеклассовую организацию монархистов, активно поддерживающую правительство в его борьбе с революцией. Он остался в значительной степени московской организацией. Задачу всероссийского объединения монархически настроенных низов населения в боевую организацию для активной борьбы с революцией удалось решить до известной степени новой организации — „Союзу русского народа“, главными организаторами которого были доктор Дубровин, купчиха Полубояринова, адвокат Булацель, помещик Пуришкевич и князь Гагарин.

„Союз русского народа“ умело использовал взгляд „Союза русских людей“ на „народный характер“ самодержавия. „Самодержавие состоит в „единении царя с народом“, оно создано „народным разумом“, благословлено церковью и оправдано историей“ — говорит программа „Союза“. Исходя из этого, „Союз русского народа“ признает необходимость совещательного народного представительства в лице Государственной думы.

„Союз“ умело играет на этой идее народного царя. Он выступает с резкой критикой бюрократии. Чинов-

ников он упрекает в том, что они не сумели вести войну с Японией и не умеют бороться с революцией. Он резко выступает с критикой деятельности отдельных крупных представителей бюрократии — против обер-прокурора синода Толстого, министра земледелия Кутлера и других. В своем уставе он прямо говорит: „Убежденно исповедуя, что благо родины в самодержавном единении русского царя с народом, „Союз" отмечает, что **современный министерский бюрократический строй**, заслонивший светлую личность русского царя от народа и присвоивший себе часть прав, составлявших исконную принадлежность русской самодержавной власти, **привел отечество наше к тяжелым бедствиям** и потому **подлежит коренному изменению**"*).

Это изменение „министерского бюрократического строя" „Союз" видит в создании законосовещательной думы, которая и осуществит через голову бюрократического государственного аппарата „союз царя с народом". Вместе с тем он относится резко отрицательно к дарованию думе каких бы то ни было законодательных прав, которые бы ограничивали самодержавную власть царя. Законы издает царь самолично, дума только советует ему в том или другом случае, когда царь к ней обращается.

„Союз русского народа" так же, как и московский „Союз русских людей", стоит за реформу церковного прихода, за участие в делах церкви мирян, за созыв церковного собора и за восстановление патриаршества.

---

*) Курсив наш.— *В. З.*

„Союз русского народа“ является первой из монархических партий, которая выставляет в своей программе демагогические требования, которые, якобы, идут навстречу нуждам крестьян и рабочих. Он требует в своей программе „ответственности должностных лиц“, „уравнения положений всех трудящихся классов без различия профессии, в частности рабочих“ и, наконец, „увеличения наделов малоземельных крестьян“ и сохранения общинного землевладения. Ничего конкретного он, конечно, по этим вопросам не выдвигает, а ограничивается простой декларацией.

„Союз“ отводит большое место национальному вопросу. Он считает, что Россия „для русских“, т.-е. великорусская национальность должна быть привилегированной и господствующей над всеми остальными. Он против какого бы то ни было уравнения в правах остальных национальностей с русскими. Особенно резко „Союз“ выступает против евреев, видя в них главных виновников и руководителей революции и вообще всех бед „русского народа“.

С первых же дней своего образования „Союз“ развил настолько энергичную деятельность, что вскоре отодвинул на задний план все другие монархические организации, которые не вошли в его состав.

„Союз русского народа“ по существу своему явился первой фашистской организацией задолго до появления фашизма в Европе. Организация „Союза“ носила явно выраженный фашистский характер. Современный фашизм во всей Европе представляет собой вооруженную и организованную силу, главная масса членов которой вербуется из народных „низов“, из среды

мелкой буржуазии, мещанства, мелкого чиновничества и люмпен-пролетариата больших городов. Эта сила защищает против революции господство крупной буржуазии. Эта сила стоит вместе с тем официально вне государственной власти, но оказывает на нее определенное организованное давление. У власти открыто фашизм стоит только в Италии, но там благодаря этому началось обострение между правящей частью фашистов и „низами".

Как и в большинстве фашистских организаций современной Европы, главная масса членов „Союза русского народа" не принадлежала к господствующему классу. Если в состав руководящей верхушки „Союза" и входили такие представители дворянства и духовенства, как князь Гагарин и епископ Евлогий, то непосредственными руководителями и вдохновителями „Союза" являлись интеллигенты доктор Дубровин, адвокат Булацель, студент Голубов и ряд определенно деклассированных личностей, вышедших из низов, вроде „Гамзей Гамзеевича", Сашки Половнева и других. Основная масса членов „Союза" принадлежала к низшим слоям населения, мелкой буржуазии, подрядчикам, мелкому чиновничеству и пр. Мало того, основное наиболее активное „боевое" ядро низовых организаций „Союза" составлял в полном смысле слова темный элемент, условия существования которого зависели непосредственно от благоволения и попустительства полицейского участка самодержавного государства российского. Это были содержатели негласных домов терпимости, всякого рода притонодержатели, приемщики краденого, воры и мошенники,

коты и сутенеры — „профессии“, которые находятся в полной зависимости от полиции; если полицейский участок смотрит на их деятельность сквозь пальцы, они живут, если он почему-либо с ними поссорится — он легко может пресечь их деятельность... Естественно, что этот люд хлынул в организации „Союза русского народа“. Пребывание в „Союзе“ давало им устойчивость и безнаказанность. Из паразитов, преследуемых за свою деятельность даже по законам царской России, они в качестве членов „Союза русского народа“ превращались в оплот самодержавия. Таким же оплотом самодержавия становились и так называемые „босяки“ — деклассированный элемент больших городов, люди, окончательно опустившиеся и спившиеся, добывающие себе средства к существованию попрошайничеством и всякого рода темными махинациями.

Помимо привилегированного положения, принадлежность к „Союзу“ давала всем этим темным элементам и реальные выгоды — они не только получали от правительства через „Союз“ денежные средства, но и имели возможность во время „патриотических“ погромов безнаказанно грабить население.

Эти темные элементы заполняли главным образом ряды именно „Союза русского народа“, здесь их влияние было наиболее сильно. В других крупных монархических организациях „демократического“ типа, как, например, в московском „Союзе русских людей“, их было значительно меньше, здесь главную массу составляли лабазники, охотнорядцы, сухаревцы, мелкие подрядчики и прочий мелкобуржуазный люд. Поэтому-то наибольший погромный активизм развил не москов-

ский „Союз русских людей“, а петербургский „Союз русского народа“, которому и удалось превратиться по существу во всероссийскую монархическую организацию преимущественно деклассированных и паразитических элементов царской России того времени.

„Союз русского народа“ подчеркивал свою бессословность, подчеркивал, что он является организацией „низов“ и с гордостью принял название „Черной сотни“. В древней Руси „черными людьми“ назывались свободные низшие слои населения, которые обязаны были платить подати государству, они делились по сотням.

Характерно, что „Союз русского народа“ организовался лишь в конце октября 1905 года. Только тогда, когда революционное движение достигло такого размаха, что заставило правительство дрогнуть и издать манифест 17 октября, самодержавие и дворянские вожди монархических партий решили использовать в интересах защиты эту „чернь“, от общения с которой вначале дворянские деятели монархических партий брезгливо уклонялись.

IV. Тактика монархистов в эпоху революции 1905—06 г.г.

Мы видели, что дворянские монархические организации, в роде „Русского собрания“ и „Монархической партии“, ставили своей задачей воздействие на власть с целью побудить ее к решительным действиям для подавления революции. Задачу непосредственной борьбы с революционным движением они возлагали всецело на правительство. Вся их политическая дея-

тельность исчерпывалась посылкой делегаций к царю и пропагандой монархических идей в печати, если не считать отмеченную выше попытку монархической партии использовать в качестве агитаторов земских начальников, исправников и сельских попов.

Наоборот, „демократические“ монархические организации — московский „Союз русских людей“, ряд провинциальных черносотенных организаций и в особенности „Союз русского народа“ со всеми его провинциальными отделами ставят себе задачей непосредственную борьбу с революционным движением. Не только с первых дней образования „народных“ монархических организаций, но часто даже до официального их возникновения, элементы, вошедшие впоследствии в эти организации, пытались выступать активно в качестве „народной силы“, возмущенной революционным движением. Организатором таких „народных выступлений“ против революции обычно являлся полицейский участок.

Активные выступления монархистов этого типа в течение всего 1905 года сводились или к призыву к погромам, или к устройству погромов.

Программы всех монархических партий пропитаны антисемитизмом. Все монархические партии от дворянских до „демократических“ в евреях видели главных виновников и руководителей революционного движения.

Антисемитизм в России, как и в некоторых других странах — Польше, Румынии, Галиции (ныне входящей в состав Польши), — явление не новое. Антисемитизм в этих странах был распространен уже давно среди дворянской аристократии. Развивающийся капитализм

во всех странах опутывает феодальное поземельное дворянство своими цепкими лапами в лице торгового, банковского и особенно ростовщического капитала. На заре развития капитализма носителем торгового и главным образом ростовщического капитала в заметной степени являлась еврейская банковская аристократия. Конечно, это была по численности весьма небольшая группа, основная масса еврейского народа — это бедняки, перебивающиеся изо дня в день в большой нужде. Это не мешало, однако, дворянству относиться с неприязнью ко всему еврейскому народу в целом.

Однако этот антисемитизм дворянской аристократии в России все же не носил в первое время погромного характера. Программы „Русского собрания" и „Монархической партии" и выпускаемая ими литература, приблизительно до средины 1905 года, сравнительно умеренно выражали свой антисемитизм. Они высказывались против равноправия евреев, они были за более строгое проведение закона о черте еврейской оседлости, за ограничения в правах еврейской интеллигенции. Но они не призывали к погромам евреев и не поднимали вопроса об изгнании евреев из России.

Наряду с антисемитизмом дворянства стоит антисемитизм мелкобуржуазных слоев. Этого рода антисемитизм особенное обострение получил в России, главным образом, в черте еврейской оседлости. Корни этого антисемитизма значительно сложнее. Мелкий лавочник, владелец мелкой мастерской, мелкий подрядчик с развитием капитализма начинает быстро попадать в экономическую зависимость от крупного капитала. Крупный капитал вытесняет их с рынка, опутывает долго-

выми обязательствами, а часто и совсем разоряет. Это вызывает острую ненависть к носителям крупного капитала. Кроме того, на почве сужения рынка для этих мелкобуржуазных слоев между ними сильно обостряется взаимная конкуренция. Царское самодержавие, как известно, искусственно держало еврейский народ в узкой черте нескольких губерний, в так называемой „черте оседлости“, при чем им разрешалось селиться только в городах и местечках. Евреи не могли заниматься земледелием, т.-е. становиться крестьянами, их обычно также не принимали на крупные фабрики и заводы. Поэтому основная масса еврейского населения, скученная по городам и местечкам черты оседлости, могла заниматься только торговлей или ремеслом. Все это вызывало острую конкуренцию внутри мелкобуржуазных слоев, в результате которой ухудшалось положение и русских и еврейских мелких буржуа. Вытесняемый из экономической жизни страны крупным капиталом, остро чувствуя конкуренцию еврейских мелкобуржуазных слоев, русский лавочник или ремесленник черты оседлости начинал видеть в еврейском народе в целом виновника своего ухудшающегося положения. В еврейском народе он видел не только своего прямого конкурента, но и носителя крупного капитала. Отсюда острый антисемитизм среди этих слоев, отсюда и склонность бороться с еврейством погромами, ибо погромы разоряют еврейскую ремесленную и торговую бедноту, освобождают русские мелкобуржуазные слои города от еврейских конкурентов.

На основе эксплоатации торговым капиталом деревни создавалась почва для известных антисемитских

настроений и среди крестьянства, в особенности среди его кулацкой части. Торговый капитал города, проникая в деревню, разорял крестьян. С одной стороны, он разорял крестьян низкими ценами на продукты сельского хозяйства, а с другой — снабжая деревню городскими товарами по дорогим ценам. Торговый капитал выступал в форме скупщика и заготовщика всех сельско-хозяйственных продуктов. В черте еврейской оседлости вояжерами и агентами торгового капитала не только еврейских, но и русских фирм часто были евреи. Сталкиваясь с торговым капиталом города в лице еврея по национальности, крестьянин свою вражду к городскому торговому капиталу легко переносил на еврейский народ в целом. Особенно острую вражду к „еврею“ питал кулак, который сам не прочь бы выступить в роли заготовщика и продавца сельско-хозяйственных продуктов крестьянства своей местности и у которого приезжий из города „еврей“ „хле[illegible] отбивал“.

Так создавались среди мелкобуржуазных слоев русского населения и отчасти у крестьян черты оседлости антисемитские настроения. Антисемитизм этих слоев носил активный, погромный характер.

У царского правительства еще в 80-х годах зародилась мысль использовать эти антисемитские настроения мелкобуржуазных слоев города и кулачества деревни в борьбе с революционным движением. В середине 80-х годов полицией был организован ряд еврейских погромов на юге России. Русский обыватель, недовольный ухудшающимися условиями жизни, с ди[illegible]кой злобой бил и громил еврейскую бедноту, видя

этом возможность улучшить свое положение. Улучшения положения обывателя, конечно, не последовало, но выход для недовольства был найден.

С этого времени антисемитские погромы сделались обычным методом борьбы полиции с революционным движением. За еврейские погромы полиция хваталась в момент обострения революционной борьбы. Так, в 1903 году, когда революционное настроение широко охватило рабочих юга России и вылилось в знаменитую всеобщую политическую забастовку летом 1903 года, когда в России быстро росли и крепли революционные подпольные организации, в частности „Российской социал-демократической рабочей партии“, правительство сделало попытку направить растущее недовольство масс по линии наименьшего сопротивления, по линии еврейских погромов. Полиция организовала дикий погром евреев в Кишиневе, развила погромную агитацию в ряде других городов и местечек юга России. Однако погромную волну среди рабочих правительству не удалось вызвать, благодаря противодействию революционных организаций, в первую очередь социал-демократов, элементы же антисемитской мелкой буржуазии были еще недостаточно активны и организованы.

Промышленный кризис начала 900-х годов, осложненный неудачной русско-японской войной и начавшейся революцией, сильно ухудшил, как мы говорили, положение мелкобуржуазных слоев населения, вызывая в них резкое недовольство. При политической несознательности этих слоев было сравнительно легко направить это недовольство и рост активности по линии борьбы с революцией и с еврейством.

И руководители „демократических“ монархических организаций умело использовали антисемитизм и погромное настроение мещанства, как средство борьбы с революцией. Они развивают широкую агитацию, что революция делается руками евреев и в интересах еврейства.

Обвиняя евреев в организации революции, черносотенные прокламации призывают „истинно-русских“ людей постоять за дело русское, за царя православного, призывают избивать и громить евреев, чтобы им „не повадно было впредь делать революцию“. Такие прокламации с призывом к еврейским погромам уже весной 1905 года распространяются „Обществом националистов“ в Киеве, Одессе, Херсоне, „Бессарабской патриотической лигой“ в Кишиневе и Житомире и некоторыми другими провинциальными монархическими организациями в черте еврейской оседлости и вообще юга России.

Однако, игра на антисемитских настроениях могла иметь тот или иной успех только в губерниях черты оседлости и вообще в городах с заметным процентом еврейского населения. А революционное движение широко развивалось по всей России, имея своим центром такие города с почти полным отсутствием еврейского населения, как Петербург и Москва. В какой-нибудь Вологде, Твери, Пскове и Балашове евреев почти не было. Здесь, в чисто русских городах, революционное движение явно для всех опиралось на русских рабочих, которых поддерживала или которым сочувствовала известная часть интеллигенции и в первую очередь учащиеся. Правые и здесь ухитрились притянуть к революции евреев.

Русских рабочих прокламации и вообще вся литература правых обычно осторожненько обходит. Все обвинения они направляют на интеллигенцию. В русских местностях, по учению правых, потому развивается революционное движение, что русская интеллигенция продалась евреям, подкуплена ими и по заданиям евреев вызывает смуты и забастовки. Поэтому русскую интеллигенцию надо также проучить погромами, как и евреев.

Уже 24 февраля 1905 года, т.-е. непосредственно после политической забастовки, прокатившейся по России в знак протеста против расстрела питерских рабочих 9 января, в „Московских Ведомостях" появляется за подписью „Борец" обращение к русским людям, верным царю. „Мы должны сплотиться,—пишет Борец.—Поднимайтесь, поднимем наш стяг против крамолы, против изменников и безумцев. Всюду, во всех городах сходитесь, узнавайте друг друга и сплачивайтесь во имя церкви православной, царя самодержавного и народа русского".

На этот призыв из центра зашевелились местные черносотенцы. В ряде городов появляются прокламации с призывом бить бунтовщиков. Так, в Твери среди солдат и рабочих разбрасывается воззвание, которое говорит: „Соединимся в кружки, составим списки всех крамольников и бунтовщиков в городах и селах и будем бить их кому, как и чем удобнее, ночью, из-за угла, через окна". В другом месте прокламация призывает бить социалистов, евреев, студентов и профессоров. В Саратове, Балашове и Нижнем прокламации призывают к избиению интеллигенции и евреев.

В Пскове и Вологде зовут бить студентов, гимназистов и „шляпников“, т.-е. людей, ходящих в шляпах,— интеллигенцию.

Таким образом, в черте оседлости правые зовут громить евреев, а заодно с ними и интеллигенцию и учащихся. В городах с чисто русским населением определенно зовут бить интеллигенцию и учащихся, в русских городах с известным процентом еврейской торговой буржуазии и интеллигенции, как в Нижнем, Казани и других, призывают бить интеллигенцию в первую очередь и громить еврейские магазины. Еврея бьют за то, что он еврей и „заварил революцию“, интеллигента и учащегося бьют за то, что они „продались“ евреям и по их наущению „делают“ революцию.

Приблизительно к началу лета черносотенные элементы во многих городах уже сорганизовались и приступили к погромам, как методу активной борьбы с революцией. В начале лета в ряде городов России происходят погромы. Интересно отметить, что первые погромы лета 1905 года происходят как-раз в городах, где весьма мало или даже почти совершенно нет евреев. В Пскове происходит дикое избиение гимназистов, в Вологде бьют гимназистов и интеллигенцию, в Балашове избивают интеллигенцию и земских служащих. В Нижнем-Нновгороде и Твери бьют интеллигенцию и громят еврейские магазины.

Погромы эти явно были приурочены ко дню полугодовщины расстрела 9 января, день, который рабочие в ряде городов отметили политической забастовкой и демонстрациями. Так, в Нижнем-Новгороде 9 июля была политическая забастовка рабочих, а на

другой день разразился в городе погром интеллигенции, во время которого по официальным данным было убито 25 человек и 25 тяжело ранено. Однако черносотенцы при поддержке полиции бесчинствовали только в центре города — ни в рабочие окраины, ни тем более в такие рабочие поселки, как Сормово, они показываться не осмеливались. А ведь здесь-то и сосредоточивалось революционное движение!

Рабочие Сормова послали в город боевую организацию самообороны, из которой двое рабочих Сормовского завода были убиты. 15 июля, т.-е. на третий день после окончания погрома, состоялись похороны убитых. Сормовский завод в этот день не работал, и 15.000 человек рабочих устроили из похорон революционную демонстрацию. Это ясно показало всем, что погром не напугал рабочих и не убавил их революционного настроения. Казалось бы, черносотенцам представлялся благоприятный случай прямого нападения на эту революционную демонстрацию, однако они попрятались и не осмелились воспрепятствовать ей.

Точно так же и погромы в ряде других городов ничуть не приостановили роста революционного движения. Непосредственно после этой полосы погромов мы имеем такой показатель роста революционного движения, как восстание броненосца „Потемкин“, всеобщая забастовка в Екатеринославе, забастовка на Екатерининской железной дороге, всеобщие забастовки в Тифлисе, Минске, Харькове, Ростове н/Дону, Царицыне, Новороссийске, Риге и Варшаве и массовые демонстрации в целом ряде городов. Все эти события лета 1905 г. по своей мощности свели совершенно на-

нет значение черносотенных погромных выступлений. Погромная тактика в период нарастающего революционного настроения страны оказалась явно бессильной, а контр-революционные монархические организации слабыми и недостаточно организованными.

В течение лета имел место также ряд еврейских погромов в мелких городах и местечках черты еврейской оседлости, которые, конечно, никакого деморализующего влияния на рост революционной волны не оказали.

В центре еврейских погромов лета 1905 года стоит военный погром евреев в Белостоке. 30 июля в Белостоке во время демонстрации в солдатский патруль была брошена бомба. Это была явная провокация со стороны полиции, так как революционеры никогда на солдатские патрули не нападали. Возбужденные солдаты, натравленные черносотенными командирами, которые объявили солдатам, что бомбу бросили в патруль евреи, вышли на улицу и открыли стрельбу по улицам города, которая длилась несколько часов. Убитых и раненых было не менее 100 человек, из них 35 рабочих. Этот погром только еще более революционизировал рабочую массу. По призыву социал-демократической партии рабочие ответили на этот погром всеобщей забастовкой и, несмотря на угрозу нового расстрела, на похороны убитых рабочих явилось около 20.000 человек. На белостоцкий погром ответили политическими забастовками протеста рабочие многих других городов.

Все это знаменовало собою полное банкротство черносотенно-погромного движения как способа борьбы с революцией.

Обнаруженные в течение весны и лета слабость и бессилие черносотенных погромных выступлений заставили черносотенные организации на время притихнуть. Вместе с тем началась лихорадочная мобилизация всех черносотенных сил. В это-то время и возникает дубровинский „Союз русского народа“, который наряду с погромно-настроенной мелкой буржуазией организует и втягивает в свои ряды упомянутые уже выше подонки общества — босяков, хулиганов, сутенеров, лиц темных профессий и прямой уголовный элемент. К средине октября всероссийская черносотенная организация „низов“ в основном была закончена и предоставила себя в распоряжение правительства.

Первое организованное выступление черносотенства во всероссийском масштабе имело место в дни всеобщей октябрьской забастовки и непосредственно после выхода в свет царского манифеста 17 октября, в котором царь формально давал конституцию. В эти-то дни, как потом разоблачил Лопухин, бывший в то время начальником департамента полиции, центральное правительство и дало через свой полицейский аппарат на местах сигнал к массовому погромному выступлению черносотенных организаций.

Эти октябрьско-ноябрьские погромы, организованные при прямом содействии полиции, местной власти и войск, явились новой попыткой дезорганизовать революцию, внести панику в революционное движение и показать, что „народные массы“ против конституции. Погромы этих дней отличались особенно гнусным характером.

Общая картина еврейских погромов тех дней, из которых особенно выделялись погромы в Одессе, Гомеле, Киеве, Екатеринославе и Кишиневе,— одинакова. Здесь видна одна и та же руководящая рука. По получении известия о манифесте среди населения начинают распространяться слухи, что евреи разрывают царские портреты, хотят поставить своего еврейского царя и проч. Дальше говорилось, что в течение трех дней можно будет избивать евреев и грабить их имущество беспрепятственно. Слухи распространялись и среди окрестных деревень, откуда начинают приезжать на погром в город крестьяне на телегах. Затем назначается патриотическая манифестация, которая происходит под охраной войск и полиции. Во время манифестации откуда-то раздается выстрел провокационного характера, после которого начинаются крики: „в нас стреляют, бей жидов", и начинается погром. Кучки черносотенцев под защитой полиции и войск избивают евреев, грабят квартиры и магазины, тут же продают награбленное на глазах у полиции. Полиция и войска часто сами принимают участие в погроме, а если этого не делают, то расстреливают самооборону, которую организуют революционные партии. Неудача самообороны везде имела место только потому, что на стороне черносотенцев были войска и полиция, которые и расстреливали дружины самообороны.

Особенно ужасен был погром в Одессе, городе, в котором происходили события, связанные с восстанием броненосца „Потемкин". Здесь погром продолжался с 18 по 22 октября. Войска ходили по улицам и расстреливали самооборону. Людей безнаказанно уби-

вали на глазах полиции и войск. Им распарывали животы, выкалывали глаза, забивали в череп гвозди, детей выбрасывали из окон на мостовую. Одесский градоначальник Нейгардт на просьбу жителей поставить полицейскую охрану против громил ответил: „я ничего не могу сделать, вы хотели свободы, вот вам жидовская свобода". По официальным данным в Одессе в эти дни было разгромлено 1.632 еврейских помещения и убито больше 500 человек.

В городах, лежащих вне черты еврейской оседлости, погромы выражались в избиении интеллигенции и учащихся, а также в нападении толпы на здания, в которых происходили революционные митинги, и поджог их. Конечно, и здесь черносотенцы опирались на активную помощь полиции и войск. Уже 18 и 19 декабря имел место ряд погромов во Владимире, Ярославле, Костроме и других городах. Избиваются гимназисты и студенты. 20—23 октября разгромлено здание гимназии в Тифлисе, при чем восемь гимназистов убито, избиты учащиеся и интеллигенция в Калуге и Новгороде. В Твери черносотенцами было окружено здание губернской земской управы, где интеллигенция и земские служащие устроили собрание, и подожжено со всех сторон. То же было в Вологде и Томске. В Томске 20 октября манифестация черносотенцев с царским портретом и национальными флагами осадила здание железнодорожного управления, где происходил митинг, и подожгла его. Войска окружили громил цепью и не подпускали собравшихся вокруг рабочих подойти к горящему зданию. Все, кто выбегал из горящего здания, черносотенцами убивались

на глазах войск, при чем над трупами надругались. Тех, кто показывался в окнах или взбирался на крышу, войска пристреливали. Число погибших в огне неизвестно. После этого в городе начался погром еврейских магазинов, при чем грабеж продолжался беспрепятственно в течение двух дней.

Эти октябрьско-ноябрьские погромы должны были по мысли руководителей показать Европе, что народные массы России настроены монархически, что они конституции не хотят, что они активно выступают на защиту самодержавия. Этого, однако, показать не удалось, ибо слишком уж заметно выступала слабость черносотенного движения, слишком уж открыто оказывалась ему помощь со стороны полиции и войск. Наряду с этим погромы настолько затрагивали интересы влиятельных кругов буржуазии и отражались на хозяйственной жизни страны, что правительство принуждено было принять меры к обузданию черносотенного рвения полицейских вдохновителей и защитников громил. Конец ноября и декабрь — время затишья черносотенной погромной деятельности.

V. Монархисты в эпоху I и II Государственной думы.

Революционное движение 1905 г. закончилось рядом вооруженных восстаний в Москве, Донбассе, Сибири, на Урале, в Латвии, на Кавказе и проч. Это был высший подъем революционного напряжения рабочего класса. Разгромленное правительственными войсками революционное движение после этого идет на убыль.

Буржуазия начинает готовиться к выборам в первую Государственную думу. Готовятся к ним и монархические организации. С весны 1906 года начинается полоса попыток объединения всех монархических политических организаций с целью выработки общей избирательной платформы.

В феврале 1906 года в Петербурге созывается объединительный съезд, на который явились представители ряда монархических организаций. Съезд выработал политическую платформу, в которой говорилось, что манифестом 17 октября самодержавие не ограничено и что царская власть остается „в полной силе". Платформа указывает на необходимость твердой власти и исключительных законов для борьбы с революцией. Высказываясь против Государственной думы как законодательного учреждения, съезд считает необходимым все же „подчиниться воле монарха" и призывает своих членов принять деятельное участие в выборах.

Избирательный закон 11 декабря 1905 г., рассчитывая на преданность крестьян царю, уделял довольно большое место представительству в Государственной думе от крестьян. Кроме того, революционные партии — социал-демократы и социалисты-революционеры — высказались за бойкот думы и тем самым устранились от участия в выборах. Все это заставило монархистов питать надежду на возможность победы на предстоящих выборах. Поэтому монархические организации повели усиленную агитацию за участие населения в выборах, широко выставляя свои кандидатуры.

Однако действительность принесла им жестокое разочарование. Во всех крупных городах, которые имели

право самостоятельного представительства в думу, списки правых провалились самым позорным образом, несмотря на всяческую поддержку со стороны местных властей. Так, в Москве, которая казалась центром черносотенства, из 40.000 поданных голосов список монархистов собрал немного более 2.000. Список же, выставленный в Петербурге „Союзом русского народа“, собрал всего несколько сот голосов. То же было и в других крупных городах. Расчет правых и правительства на крестьянство также не оправдался — подавляющая масса крестьянских депутатов оказалась левыми, они образовали в думе фракцию трудовиков. Попытка депутата от Гродненской губернии, земского начальника Ерогина, организовать общежитие для депутатов крестьян, где бы их можно было обрабатывать в духе идей правых партий, успеха не имела: крестьяне, встречаемые на вокзале ерогинскими молодцами, правда, заезжали в это общежитие, но, побыв там день-два и послушав проповеди монархистов, они уходили из ерогинского общежития и примыкали к трудовикам.

Выяснившаяся неудача правых в избирательной кампании заставила их занять по отношению к созыву I думы вновь резко отрицательную позицию. Открытие думы монархической печатью было встречено враждебно. С первых же шагов деятельности I думы монархические партии начинают настаивать перед правительством на необходимости разгона ее и введения военной диктатуры. В то время, как немногочисленная думская фракция правых стала на путь думских скандалов и всячески старалась показать, что она не признает законодательных прав думы, монархическая

пресса, а также многочисленные телеграммы отделов „Союза русского народа" и других правых организаций на имя царя начинают требовать немедленного разгона думы. „Московские Ведомости", орган московской „Монархической партии", и „Русское Знамя", орган „Союза русского народа", изо дня в день вопят, что „спасение России возможно лишь при неотложном учреждении военной диктатуры", что пора положить предел всему этому „ненормальному и опаснейшему положению", а это „возможно только при упразднении думы и введении военной муравьевской диктатуры".

Роспуск Государственной думы монархисты считали своей победой. Теперь они требуют от правительства, чтобы выборы в новую думу были назначены „не прежде, чем в России будет восстановлен полный порядок". Они требуют вместе с тем от правительства „изменить систему думских выборов, а также самое положение о Государственной думе".

В период между I и II думой правые призывают правительство к изменению избирательного закона и к суровым репрессиям по отношению к революционному движению. И в то же время вновь организуют в ряде городов погромные выступления. Правые приветствуют закон о введении военно-полевых судов для политических преступников.

Вместе с тем, монархисты делают новые попытки организации своих сил во всероссийском масштабе. 1 октября 1906 г. созывается III всероссийский съезд русских людей в Киеве, а в апреле 1907 г.—IV съезд в Москве.

III съезд заседал во время действия военно-полевых судов; первым шагом съезда была посылка председателю совета министров Столыпину телеграммы, в которой съезд благодарил его за „твердую, мужественную решимость вести борьбу против смуты в нашем отечестве всею государственною мощью“. На съезде было представлено 72 монархистских организаций. Здесь была сделана попытка объединения всех монархистских организаций в один союз. Однако такие дворянские организации, как „Русское собрание“ и „Русская монархическая партия“ отклонили это предложение, исходящее от более „демократической“ организации — дубровинского „Союза русского народа“. Большинство высказалось против такого слияния, признав, что достаточной формой объединения являются всероссийские съезды монархических организаций. Однако съезд создал все же объединительный исполнительный орган — „Главную управу объединенного русского народа“, который должен был согласовывать деятельность монархических организаций в промежутках между съездами.

Вторым вопросом порядка дня стояла выработка единой политической программы. Съезд счел это преждевременным и решил ограничиться выработкой единой избирательной платформы, которую и должна была выработать „главная управа“.

IV съезд заседал в Москве в апреле 1907 г., в период деятельности II Думы. Этот съезд прошел под знаком „оппозиции“ к правительству, которое он обвинял в бездеятельности и нерешительности в борьбе с революционным движением и Государственной думой. Съезд

подчеркивал необходимость решительных мер со стороны правительства, дабы не допустить революцию развернуться. В интересах государственной безопасности съезд находит необходимым немедленно распустить II думу, изменить положение о думе, превратив ее в законосовещательное учреждение. Наряду с этим съезд требует ввести повсеместно военное положение, принять строгие меры против революционной печати и восстановить военно-полевые суды.

Главную роль на этом съезде играл дубровинский „Союз русского народа". Он имел представительство от 900 своих провинциальных отделов. Численность его провинциальных отделов и его более боевая погромная тактика конца 1905 и всего 1906 года выдвинули его на руководящее место среди остальных монархических организаций. Монархические организации дворянства отступают на задний план. Под давлением „Союза русского народа" съезд принимает постановление по земельному вопросу, в котором говорится, что „земельное настроение" может быть устранено только царем при помощи земского собора, собранного из „православных и старообрядцев" и „крестьян по одному от каждого уезда". По рабочему вопросу съезд высказывается за необходимость объединить „русских рабочих" „в союзы и общества на началах взаимопомощи и самодеятельности в экономическом отношении и на началах православия, самодержавия и народности — в политическом".

Наконец, победа дубровинского направления нашла свое выражение в резолюции организационного характера, принятой большинством съезда: „ввиду пре-

обладающего значения „Союза русского народа“, имеющего в настоящее время более девятисот отделов, Союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций, не вошедших в „Союз русского народа“.

Однако дворянство совершенно не хотело терять свою обособленную физиономию, расплываться в бессословных монархических союзах и признать над собой гегемонию „Союза русского народа“. Уже в конце 1905 года аристократические элементы правых организаций приступают к попытке создания обособленной сословной организации дворянства. По инициативе дворян землевладельцев приволжских губерний, где особенно резко протекало крестьянское движение, где особенно были развиты погромы дворянских усадеб, в конце ноября 1905 года в Москве собирается учредительный съезд „Всероссийского союза землевладельцев всех сословий и состояний“. Несмотря на „бессословную“ вывеску, фактически это был классовый союз дворянства. Достаточно посмотреть на принятую съездом резолюцию по земельному вопросу.

Съезд подчеркивает необходимость „твердой и неуклонной со стороны государственной власти защиты права и собственности“. Крестьянское малоземелье съезд признает, но считает, что оно может быть устранено путем „расширения площади крестьянского землевладения естественным экономическим путем, путем приобретения в собственность и исключительно по свободному соглашению, с устранением всякого понуждения всех свободных казенных, удельных и частных земель как в коренной России, так и на окраинах“.

Поскольку крестьянское движение 1905 г. нарушало „права“ дворянства и поскольку оно посягало в то время именно на дворянскую земельную собственность,— ясно, что требования защиты „права собственности“ в устах съезда было определенно требованием дворянства. Интересно отметить также, что съезд разошелся с официальной программой политических монархических партий, которые требовали сохранения общинной земельной собственности крестьянства. Он определенно стал на точку зрения частной индивидуальной собственности, которую крестьянство должно приобретать путем свободной **покупки**. В продажу крестьянам поступают лишь „свободные“ земли и в первую очередь казенные и удельные. Упоминание о необходимости пустить в продажу для русского крестьянства „свободных“ земель на окраинах содержит в себе уже зачатки будущего националистического курса царского правительства — руссифицирование окраин.

Еще ярче дворянские вожделения „бессословного союза землевладельцев“ сказались на II съезде в феврале 1906 года. Съезд потребовал от правительства, чтобы „все землевладельцы, которых государственная власть не оградила от разгрома при так называемых аграрных беспорядках, были вознаграждены этою же государственной властью“. Касаясь аграрного движения, съезд заявил, что сущность аграрного вопроса не в малоземельи крестьянства, а в технической отсталости крестьянского хозяйства.

Если мы вспомним, что I съезд заседал в ноябре 1905 г., когда революционное движение еще нарастало,

а II-й — после разгрома вооруженных восстаний, в период наивысшей деятельности карательных экспедиций по подавлению аграрного движения деревни, то станет ясно, что II съезд чувствовал себя уже гораздо тверже. Это ясно сказалось на его постановлении по земельному вопросу. Первый съезд еще признает крестьянское малоземелье, и он пытается разрешить его путем свободной покупки крестьянами „свободной" помещичьей земли. Дело в том, что, будучи напуганы ростом аграрных беспорядков в 1905 г. и не надеясь сохранить свои земли, помещики бросились в земельный банк с заявлениями о продаже через него своих имений. К концу 1905 года в руках земельного банка скопилось уже свыше 5 миллионов десятин предлагаемой помещиками на продажу земли. Этим-то „свободным" земельным фондом I съезд и думал разрядить крестьянское малоземелье, а вместе с тем и создать класс мелких собственников. Успешная деятельность карательных экспедиций в деревнях весной 1906 года заставила дворянство брать обратно заявки о продаже своих земель. Фонд „свободных" земель, таким образом, вновь уменьшился, отсюда и заявление II съезда, что дело не в малоземельи крестьян, а в технической отсталости крестьянского хозяйства.

Однако дворянство недолго прикрывалось маской „всесословного союза собственников". События скоро заставили его поспешить с открытым сплочением своих дворянских рядов. Толчком послужило принятие кадетской партией в своей аграрной программе отчуждения части частновладельческих земель. Кадеты, желая сохранить основы землевладения той части дво-

рянства, которая перешла к капиталистическому способу ведения своего хозяйства, а также желая привлечь на свою сторону часть крестьянства, выдвинули проект частичного отчуждения частновладельческих земель. Этот проект кадетов допускал отчуждение по „справедливой оценке", т.-е. по существующей вздутой рыночной цене тех частновладельческих земель, на которых не ведется культурного хозяйства. Кроме того, по проекту отчуждались земли в имениях, превышающих по количеству земли известную норму. Этот проект больно ударял по крупному дворянству и по основной массе дворянства полуфеодального типа, которыс „кормились" главным образом тем, что сдавали свои земли крестьянам в аренду или „исполу".

Уже в конце апреля тот самый „Кружок московских дворян", который когда-то взял на себя инициативу организации всесословной монархической партии „Союза русских людей", созывает в Москве официальный дворянский съезд. Этот съезд послал царю телеграмму о необходимости введения военной диктатуры и высказался за совещательный характер созываемой Государственной думы. Он постановил добиваться от правительства признания земельной собственности дворянства заповедной, т.-е. неделимой и передаваемой по наследству старшему в роде. Этим должно было достигаться укрепление экономической и политической силы крупных дворянских родов.

Съезд поставил в порядок дня вопрос об открытом объединении дворянства во всероссийском масштабе. Он обратился с призывом к объединению ко всем губернским дворянским обществам России.

Оппозиционный характер I Государственной думы, руководимый кадетами, земельный законопроект кадетов о необходимости принудительного отчуждения помещичьей земельной собственности,— все это заставило дворянство поспешить со сплочением своих рядов. Поэтому призыв московского съезда нашел быстро отклик среди дворянства других губерний, и уже в конце мая в Петербурге состоялся официальный всероссийский дворянский съезд. Этот съезд демонстративно собрался в доме главноуправляющего департаментом земледелия и землеустройства Стишинского.

Съезд высказался за необходимость для правительства беспощадной борьбы с революцией. Большое внимание он уделил выдвинутому Государственной думой принципу принудительного отчуждения земельной собственности. По этому вопросу он обратился к царю со „всеподданнейшим“ адресом. „Проведение земельного закона,— говорится там,— на началах принудительного отчуждения частного владения поколеблет в корне один из наиболее твердых устоев государственной жизни — неприкосновенность права собственности... Проповедь отчуждения земли скрывает за собой и служит первым шагом к победе идеи социализма... Обезземеление означает подпадение под власть всемогущей силы международного капитала“.

Съезд, однако, в этом вопросе не ограничивается просьбой и доведением своих мнений до царя. Он заканчивает свой адрес очень решительным заявлением, что в случае бессилия правительства в борьбе с революцией эту борьбу возьмет на себя непосредственно дворянство помимо правительства. „Трудовое земель-

ное дворянство, — заявляет адрес, — не бросит своих гнезд, государь, и до конца выдержит трудную борьбу с революцией". Дворянство заговорило с правительством властным языком хозяина, который грозит отпустить слугу, недостаточно хорошо защищающего интересы хозяина.

Роспуск I думы не удовлетворил дворянства, поскольку правительство не решилось ввести военную диктатуру, как этого требовало дворянство, и лишить думу законодательного характера. Недовольно дворянство было и тем, что не последовало такого изменения избирательного закона в думу, которое определенно обеспечивало бы преобладание в думе интересов дворянского сословия.

Дворянство продолжает укреплять свою сословную организацию и решительно отмежевывается от „монархической черни". Это ярко выразилось на II съезде уполномоченных дворянских обществ, который состоялся в средине ноября 1906 года.

Прежде всего съезд постановил, что дворяне должны сохранить свою сословную организацию, и отклонил предложение некоторых делегатов о слиянии с бессословным „союзом земельных собственников". Этим самым „Всероссийский союз землевладельцев всех сословий и состояний" фактически перестал существовать, поскольку это было по существу дворянская организация, прикрытая фиговым листиком „бессословности". Теперь этот листик стал уже не нужен. Съезд отклонил также предложение „Союза русского народа" о союзе на время выборов во II думу. Наконец, съезд демонстративно отклонил сделанное Пуришке-

вичем от имени „Союза русского народа“ предложение пожертвовать 1.000 рублей в фонд для создание дворянской газеты, заявив, что дворянство само об этом позаботится.

По отношению к правительству съезд занял подчеркнуто демонстративную позицию независимости. Это сказалось уже во время прений о выборах в думу. Большинство ораторов заявило, что избирательный закон 11 декабря 1905 года не позволяет дворянству иметь в думе достаточно сильного представительства, а потому необходимо изменить его в том смысле, что каждое сословие выбирает представителей в думу отдельно. На указания некоторых ораторов, что дворянство должно подчиниться воле государя и принять существующий закон, съезд заявил довольно прозрачно, что дворянство не считает такое подчинение для себя обязательным, если это идет вразрез с его интересами. „Совершенно не верно высказанное здесь положение,— заявил один из ораторов под рукоплескания съезда,— что если правительство объявит, что дворянство более не нужно, то дворянство должно с этим мириться: дворянство жило не одну сотню лет и не при одном государе, вероятно, переживет и еще многих и преждевременно ему изображать из себя барана, обреченного на заклание“.

Съезд признал существующий избирательный закон 11 декабря 1905 года неудовлетворительным, однако он постановил не ходатайствовать о его изменении, а только довести до сведения правительства мнение дворянства о необходимости его изменения в сословном направлении.

Такой же демонстративно независимый по отношению к правительству характер имела резолюция съезда об аграрных беспорядках. „Съезд признал, что „возмещение убытков, причиненных землевладению разгромами и всякими иными насилиями революционного свойства, лежит на обязанности государства“, о чем и поручил лишь „довести до сведения правительства“.

Таким же языком хозяина говорит и III съезд объединенных дворян, который происходил весной 1907 г. Дворянство продолжало быть недовольным политикой правительства, но уже чувствовало ссбя достаточно организованным. Когда часть депутатов, напуганная аграрным движением 1906 года, внесла предложение об обращении к царю с просьбой о защите земельной собственности, съезд отклонил это предложение и принял такую резолюцию: „Съезд, признавая принцип неприкосновенности собственности краеугольным камнем существования государства, о чем государю императору неоднократно благоугодно было возвестить с высоты престола, *не усматривает оснований к возбуждению каких-либо ходатайств и поручает Совету* (Совету съездов — центральному органу объединенного дворянства) *ревниво оберегать исторические устои государства* и при первой встреченной необходимости решительно выступить на их защиту перед его императорским величеством“ *).

Таким образом, в конце 1906 и в начале 1907 г. г. дворянство сложилось в самостоятельную сословную

---

*) Курсив наш.— *В. З.*

политическую организацию, которая открыто отмежевалась от остальных монархических группировок в стране. Эта организация в лице „Совета объединенного дворянства“ становится той политической силой, которая начинает диктовать направление политики правительства. Первой победой „Совета объединенного дворянства“ был разгон II думы и изменение 3 июня 1907 года избирательного закона в духе пожеланий дворянских съездов.

С этого момента и правительство и дворянство перестают нуждаться в услугах низовых монархических организаций и в частности „Союза русского народа“, который в своей политической платформе конца 1906 г. требует уравнения крестьян с другими сословиями, продажи крестьянам через крестьянский банк по дешевым ценам скупаемых у помещиков земель, урегулирования арендных отношений и государственной ссуды крестьянам.

Революция была побеждена, дворянство окрепло и получило возможность организованного давления на власть. Монархические низы сделали свое дело, теперь они стали не нужны. Точно так же стали не нужны и такие политические дворянские партии, как „Русское собрание“ и „Монархическая партия“.

VI. Монархисты в эпоху реакции и империалистической войны.

Разгон II думы и изменение избирательного закона о выборах в думу был продиктован правительству объединенным дворянством. Согласно пожеланиям дво-

рянских съездов избирательный закон изменен в духе сословности (куриальная система) и обеспечивает дворянству достаточное представительство в III думу.

События 3 июня знаменуют собою решительную победу контр-революции. Разбитая революция отступила. Наступает эпоха глухой реакции. Казалось бы, поскольку и дворянство в лице „Русского собрания", „Монархической партии", дворянских съездов, и „демократические" монархические организации, в роде „Союза русского народа", при всяком удобном и неудобном случае подчеркивали свое требование превратить думу в законосовещательный орган или даже вовсе упразднить ее,— то в эпоху реакции это можно было сделать без большого шума. Однако этого не случилось. III дума осталась законадательным органом.

Дело в том, что эпоха реакции 1907—1910 г.г. вовсе не являлась простой победой самодержавия и дворянства над революцией. В процессе революции сорганизовалось не только дворянство в лице „Совета объединенного дворянства", но и крупная российская буржуазия в лице „Совета съездов представителей промышленности и торговли", который образовался официально в 1906 г. Объединенная буржуазия оказалась достаточно реальной силой, чтобы с ней не могло не считаться правительство и дворянство. Эта буржуазия, напуганная революцией, бросилась в объятия правительства, однако, она вовсе не склонна была оставлять в неприкосновенности, без соответствующих „реформ", старое дворянское — бюрократическое самодержавие. Она требовала „делового контроля" над хозяйственной

политикой правительства и, в первую очередь, над финансами. Это же требование весьма прозрачно выражала и западно-европейская финансовая буржуазия, которая в 1906 году предоставила русскому правительству большой заем на борьбу с революцией. Заключение дальнейших займов без контроля за их расходованием со стороны Государственной думы было бы затруднительно.

С другой стороны, и объединенное дворянство, получив по закону 3 июня достаточное обеспечение своих интересов как в думе, так и в Государственном совете, начинает приходить к выводу, что при создавшихся условиях дума сможет хорошо служить сословным интересам дворянства.

Все это создало условия для „третьеиюнського блока", союза между дворянством и буржуазией. Общей почвой для этого союза было укрепление хозяйственного положения страны, повышение военной мощи России, ослабленной русско-японской войной, ярко вскрывшей весь вред бесконтрольного хозяйствования бюрократии, и, наконец, платформа национализма, такая государственная политика по отношению к инородческим окраинам, которая должна была поставить господствующие классы Великороссии в особо привилегированное положение. Этот союз дворянства с буржуазией мог произойти только на почве признания дворянством законодательного характера думы.

Эти практические соображения и заставили дворянские монархические организации отказаться от своего первоначального взгляда на думу и признать ее в качестве законодательного органа.

Уже перед выборами в III думу на вышеуказанной платформе состоялся союз правительства, дворянства в лице части правых и объединенной буржуазии в лице октябристов, которые к тому же включали и свои ряды не только промышленную и торговую буржуазию, но и часть дворянства, ведущего капиталистическое земледельческое хозяйство.

В избирательную кампанию правые поддерживают октябристов, благодаря чему последним удается провести в думу 154 своих представителя. Правые проводят 146 депутатов.

Если в I и во II Государственной думе правые выступали сплоченной группой, устраивавшей думские скандалы, старающейся всячески дискредитировать авторитет думы и демонстративно подчеркивающей непризнание за думой законодательных прав, то теперь правые раскололись. Из общей массы правых депутатов выделилась группа „умеренно-правых“ в 70 человек и националистов, прошедших, главным образом, по западным губерниям в количестве 26 человек. Обе эти группы признали законодательный характер думы, необходимость „деловой работы“ в ней и заключили союз с октябристами.

Эти группы вместе с октябристами и составили в III думе надежное большинство, на которое правительство Столыпина могло опираться.

Официальное объединение умеренно-правых, националистов и октябристов с правительством в думе произошло после первого выступления Столыпина 16 ноября 1907 г. От лица правых выступил граф Бобринский, который обещал „совместную дружную

работу с правительством". От лица октябристов Гучков предложил краткую формулу перехода, которая гласила, что, заслушав речь представителя правительства, дума переходит к очередным делам. Эта формула при поддержке умеренно-правых и националистов и была принята.

Умеренно-правые и националисты опирались на „Совет объединенного дворянства". Однако среди правых осталась еще группа в 50 человек, которая опиралась на „демократические" монархические организации в стране, в первую очередь, на дубровинский „Союз русского народа". Эта часть осталась верна своей старой программе и тактике, она попрежнему не признавала законодательный характер думы и выступала в качестве оппозиции справа правительству Столыпина, который, якобы, вел страну к конституции и ограничивал „права самодержавного монарха".

Поскольку умеренно-правые „приняли" Государственную думу, перед ними и перед дворянством в целом, стоявшим за ними, встала задача отмежеваться от дубровинцев. Это выразилось в ряде выступлений умеренно-правых, руководимых Пуришкевичем и Бобринским, против крайних правых и в частности против „Союза русского народа". В разгоревшейся между ними борьбе Пуришкевич сделал ряд разоблачений темной деятельности руководителя союза Дубровина и его молодцов. В 1909 году в Москве созывается съезд монархистов, который постарался очиститься от непримиримо-правых элементов и от лиц из среды „Союза русского народа", которые скомпрометировали себя убийствами и погромами.

Вместе с тем правительство перестало поддерживать „Союз" Дубровина и его многочисленные провинциальные отделы, были прекращены субсидии, которые до сих пор отпускались на поддержание и деятельность отделов „Союза русского народа".

Все это вместе привело к тому, что „Союз русского народа" стал быстро разлагаться, его провинциальные отделы начали хиреть и таять и один за другим закрываться. Оставшиеся влачили жалкое существование.

Так, от когда-то могущественных организаций монархических „низов" остались жалкие остатки. Что же касается таких дворянских политических организаций, как „Русское собрание" и „Монархическая партия", то они перестали существовать, совершенно незаметно сойдя на-нет. Их без остатка поглотила сословная организация дворянства — „Совет объединенного дворянства".

Политический блок дворянства с объединенной буржуазией продержался до самой империалистической войны. Однако неоднократно между объединенным дворянством и буржуазией за этот период происходили трения и даже расхождения. Так, в течение первых же сессий III Государственной думы имел место ряд конфликтов монархистов с октябристами. Монархисты, недовольные тем, что Столыпин держал „блок с Гучковым", при первом же удобном случае повели атаку и на октябристов и на Столыпина. Воспользовавшись тем, что октябристы, составляя большинство в „комиссии государственной обороны", потребовали делового контроля над деятельностью военного и морского министерства и выдвинули требование реорганизации

совета государственной обороны, правые выступили против октябристов. В 1910 г. октябристы потребовали реорганизации штатов морского министерства. А когда правительство не согласилось, октябристы, поддержанные кадетами, демонстративно отказали морскому министерству в кредитах на постройку новых броненосцев.

Этого было достаточно, чтобы союз правых с октябристами затрещал. Нападки октябристов на морское ведомство, политика октябристов, направленная на уничтожение влияния великих князей, в частности Николая Николаевича, на военно-морские дела, дали правым повод поднять кампанию против октябристов, а заодно против Столыпина, поскольку он с ними считался, по обвинению в нарушении „прерогатив монарха“. Октябристов правые объявляют „младотурками“, а „Совет объединенного дворянства“ поднимает в придворных сферах вопрос об отставке Столыпина, который, якобы, скомпрометировал себя союзом с октябристами, т.-е. проводил политику больше в интересах буржуазии, чем дворянства.

Создается „политический кризис“, положение Столыпина начинает колебаться. Столыпину удалось удержаться путем уступок правым. Он откалывает от октябристов группу „правых октябристов“, которая примыкает к монархистам, а националисты и умеренно-правые сливаются в одну „русскую национальную фракцию“. Так создается более правый центр, где преобладают интересы дворянства, на который Столыпин и опирается.

Эта победа дворянства над буржуазией сейчас же находит свое выражение в усилении курса „нацио-

нальной политики". Правые начинают выступать с требованием агрессивной политики на окраинах. Вносится законопроект об уравнении русских подданных в Финляндии в правах с финскими гражданами, хотя Финляндия имела самостоятельную конституцию, поднимается вопрос о выделении из Царства Польского Холмщины, округа с польским большинством населения, вносится законопроект о введении в Царстве Польском национальной куриальной системы, поднимается вопрос об отделении двух приходов от Финляндии и т. п. Но особенно правые заостряют еврейский вопрос. Они выступают с программой самого оголтелого антисемитизма. Они требуют исключения евреев из армии, из земского и городского самоуправления, из среды адвокатов, врачей и т. п.

Завершением этой антисемитской политики явилось „дело Бейлиса". В 1911 г. в Киеве шайкой бандитов был убит православный мальчик Ющинский. Правительство и правые сделали попытку использовать это убийство в антисемитских целях. Они арестовали ремесленника еврея Бейлиса и обвинили его в этом убийстве с религиозной целью, подняв средневековую легенду, которая приписывала евреям употребление человеческой крови в их религиозных обрядах. Несмотря на то, что эта легенда давно уже отброшена, царское правительство и правые не остановились перед обвинением всего еврейского народа в употреблении христианской крови. Дело было передано суду, а чтобы подкрепить это дело, якобы, „народным возмущением", были использованы остатки „Союза русского народа" на местах, которые вновь получили денежные подачки

и в некоторых местах устроили антиеврейские демонстрации и опять подняли вопрос о еврейских погромах.

Убийство Столыпина в 1911 году также послужило предлогом к усилению антисемитской агитации и способствовало некоторому оживлению деятельности правых организаций на местах.

Несмотря на явную нелепость обвинения, суд над Бейлисом состоялся в 1912 г. в Киеве с участием нарочно подобранных из числа мещанских слоев Киева присяжных заседателей. Несмотря на все старания прокуратуры и антисемитов-„экспертов“ из числа духовенства, нелепость обвинения была настолько ясна, что даже мещане-заседатели отвергли обвинение. Так антисемитская политика правительства и правых потерпела позорное поражение.

Столыпина сменил в качестве председателя совета министров Коковцев, при котором националистический курс правительства, диктуемый дворянством, продолжался.

Почувствовав себя достаточно крепко, объединенное дворянство начинает все больше и больше отворачиваться от своих недавних союзников — октябристов. Правительство вступает на путь политики, явно защищающей интересы дворянства. 30 января 1914 г. увольняется Коковцев, а его место занимает Горемыкин — резкий противник „народного представительства“, т.-е. думы. Думские монархисты в связи с этим назначением открыто высказываются о желательности превращения думы в законосовещательное учреждение. Первым шагом нового кабинета явилась попытка правительства, поддержанного правыми, урезывания даже

тех прав думы, которые до этого правительством все же признавались. Пытаются ограничить область запросов, право внесения законопроектов и, наконец, делают попытку ограничить неприкосновенность депутатского слова. Так, правительством был привлечен к суду Чхеидзе за политическую речь, произнесенную в думе. Особенно настаивало правительство на урезывании права думы критиковать бюджет. На это не могли пойти даже октябристы.

Октябристы совместно с кадетами решили произвести демонстрацию по отношению к правительству. В прениях по смете министерства внутренних дел октябрист Капнист II заявил, что власть не „либеральна“ и не „сильна“, ибо „сильной власть может быть только тогда, когда черпает свою силу в нравственном авторитете“, и что октябристы „принуждены стать в совершенно определенную оппозицию, оппозицию поневоле“. Кредиты большинством думы были отвергнуты, и дума большинством всех против правых приняла такую формулу перехода: „Политика министерства, стесняющая и ограничивающая деятельность местных и городских учреждений, подрывает местные силы; поощряя повсеместно административный произвол, она вызывает недовольство и глубокое брожение в широких, спокойных слоях населения (читай: буржуазии); препятствуя проведению в жизнь ряда высочайших манифестов и указов, она противодействует возвещенной с высоты престола непреклонной воле монарха, и такое положение, ослабляя мощь России, угрожает ей неисчислимыми бедствиями“.

Так, перед самой империалистической войной разко разошлись между собой дворянство в лице правых и буржуазия в лице октябристов. Дворянство определенно взяло курс на возврат к старому самодержавию, на уничтожение Государственной думы, как законодательного учреждения. Теперь она стала ему уже не нужна.

Империалистическая война, казалось, вновь объединила дворянство с буржуазией в одном патриотическом порыве. 26 июля ст. ст. 1914 года состоялось заседание Государственной думы, где и буржуазная „левая“ и дворянская „правая“ демонстрировали национальное единство по вопросу о войне: представитель правых Пуришкевич подошел к лидеру кадетской партии Милюкову, предложил „познакомиться“ и подал в знак примирения руку.

Однако это внешнее объединение дворянства и буржуазии не могло примирить их классовых интересов. Еще в эпоху III думы правые сделали попытку изменить внешнюю политику России в сторону сближения с Германией — страной монархической с сильным земельным дворянством. Однако, интересы русской буржуазии, связанной с капиталом Франции и Англии, и потребность правительства в займах заставили Россию продолжать политику сближения с Францией и Англией. Таким образом, политика правительства, приведшая к войне с Германией, вместе с англо-французской коалицией, была в сущности политикой не в интересах русского дворянства, а в интересах буржуазии.

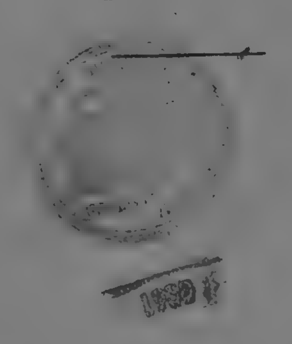
В процессе войны, особенно под влиянием военных

неудач и роста революционного настроения в стране, в среде объединенного дворянства создается тайная, но влиятельная при дворе группа, которая поднимает вопрос о сепаратном мире с Германией.

Это расхождение влиятельных кругов российского дворянства с интересами буржуазии толкает последнюю в сторону оппозиции к правительству и порождает в ее среде мысль о „дворцовом перевороте“, о низложении Николая, возведении на престол сына его Алексея с регентом в лице великого князя Михаила.

Однако Февральская революция смела не только Николая, но и монархию вообще. Это заставило дворянство и буржуазию вновь броситься в объятия друг к другу. Буржуазия и дворянство вновь выступают единым фронтом против революции и вместе сметаются Октябрьской революцией 1917 г.

В эпоху гражданской войны дворянство и буржуазия идут единым белым фронтом против рабочих и крестьян, их общий лозунг — восстановление самодержавия в России. Монархисты, как самостоятельная политическая организация дворянства, перестают существовать.



СОДЕРЖАНИЕ



КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
Харьков, ул. Свободной Академии, № 5.

КАКИЕ ПАРТИИ БЫЛИ В РОССИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ В. ЮДОВСКОГО

В. Стальный — Кадеты.

С. Черномордик — Эсэры.

М. Равич-Черкасский — Анархисты.

Д. Эрде — Меньшевики.

В. Залежский — Монархисты.

82

Цена 25 коп.

Р



СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободн. Академии, 5. Тел. 24-57, 42-22
Москва, Кузнецкий мост, 5/21. Тел. 3-01-99 и 3-17-55
Киев, улица Воровского, 22. Телефон № 42-58
Одесса, ул. Лассаля, 16. **Луганск,** ул. Ленина, 44
Артемовск, Харьковская ул., 51. Телефон № 217
Зиновьевск, улица Ленина, 10. **Днепропетровск,** Проспект, 37.